

А. А. Мухаметзянов

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ В РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Описываются основные источники экономической состоятельности российской мусульманской общины рассматриваемого временного периода — институт вакуфа, развитая система налогообложения, механизм добровольных пожертвований. Утверждается, что локальная мусульманская община дореволюционного периода обладала значительной долей финансовой самостоятельности.

Важнейшим условием существования мусульманской общины всегда являлась ее экономическая состоятельность, основанная на обязательном религиозном налогообложении и широкой благотворительности верующих.

Центральным элементом прогрессивной налоговой системы являлся *з а к я т*, первоначально представлявший собой пожертвование на нужды вдов, сирот, неимущих и лиц, находящихся в странствии. В период халифата *закят* превратился в обязательный государственный налог, «взимавшийся сборщиками налога сначала натурой, а позднее деньгами; лишь часть этого налога шла на благотворительные цели...» [Дорошенко, 1985, 47]. *Закят* платили из расчета 1/40 или 2,5 % дохода, превышающего определенный минимум, совершеннолетние мусульмане, имевшие имущество, ремесленный и торговый промысел. Данный налог взимался с зерновых — пшеницы и ячменя, фруктов — изюма и фиников, скота — верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота, а также с золота и серебра. Следует отметить, что поступления в виде *закята* составляли существенную статью бюджета мусульманских государств.

Еще одним важным налогом являлся *х у м с*, предусматривавший выплату 1/5 военных трофеев, полученных во время боевых действий с неверными. Впоследствии *хумс* стал основным налоговым обременением для ремесленников и предпринимательства, наследников какого-либо имущества, которые выплачивали средства на нужды духовенства.

Благотворительную функцию поддержки бедных и неимущих выполнял *г о ш е р*, или десятина, ежегодно выплачиваемая крестьянами с урожая. Кроме указанных налогов, можно упомянуть *ф и д и ю*, а также пожертвования по случаю религиозных праздников.

Решающую роль в деле стабильного обеспечения нуждающихся играл институт вакуфа (вакфа). С арабского языка слово «вакуф» переводится буквально как «установление надзора» и означает движимое и недвижимое имущество, переданное или завещанное на религиозные и благотворительные цели, не отчуждаемое и не облагаемое налогом. Как отмечает Е. А. Дорошенко, «под вакфами подразумевается движимое и недвижимое имущество — земельные угодья, оросительные системы, мельницы и т. д., которое завещалось богатыми людьми... на богоугодные цели. Имущество, входившее в вакф, оформлялось и подкреплялось актом о пожертвовании... Согласно шариату существует два вида вакфа: общественные вакфы (амм) полностью переданные для содержания религиозных и благотворительных заведений, и частные (хасс), сохраняющиеся в неотчуждаемом владении завещателя вакфа» [Дорошенко, 1985, 51]. Среди мусульманских улемов существует мнение, что вакуф как имущество, находящееся во владении Аллаха, имеет обезличенный, общественный характер [см.: Мухтасар, 1999, 60—61]. Прибыль, получаемая с него, должна идти на нужды бедных. Кроме этого, особыми, бездоходными вакуфами признаются здания мечети и медресе. По воле завещателя управлял данным имуществом специально назначенный попечитель — мутаваллий, получавший 10 % прибыли. Оба вида вакуфов являлись постоянным источником дохода для мусульманских общин.

В истории исламского сообщества России применение традиционной налоговой и благотворительной практики имело свое специфическое содержание, обусловленное особенностями существования общин в условиях иноконфессионального государства. Исследователи отмечают, что традиционная мусульманская благотворительность у татар вплоть до конца XVIII в. существовала в стихийной, неуправляемой форме, что весьма негативно сказывалось на материальном положении приходов [см.: Салихов, 2004, 207]. Лишь благодаря реформам Екатерины II, способствовавшим возникновению и развитию богатой и социально активной национальной буржуазии и легитимизации мусульманских общественных институтов, наметилась совершенно определенная тенденция к стабильному и целенаправленному финансированию духовенства, учебных заведений, культовых зданий, локальных мусульманских общин в целом. Фактически быстро богатевшие татарские предприниматели взяли на себя заботу о нуждах тех приходов, в которых они проживали. Не случайно уже в конце XVIII в. в городах с компактным проживанием татарского торгового населения и деревнях с развитыми промыслами и мануфактурами возникли крупные духовно-просветительские центры, полностью содержавшиеся на средства коммерсантов и промышленников.

В Казани, например, это Приозерная махалля, являвшаяся родовым гнездом купеческой династии Апанаевых, где на протяжении полутора столетий существовало знаменитое Апанаевское медресе. В нем преподавали прославленные для своего времени исламские ученые и педагоги: Мухаметкарим Мухаметрахимов, Салахутдин Исаков, Абдулгаллям Салихов, Касим Салихов и др. Содержание храма и его священнослужителей считалось здесь почетной и приоритетной обязанностью членов махалли. Для этих целей была специально построена лавка в ог-

раде мечети, доход от которой составлял 400 рублей в год. Кроме того, эффективное использование складов мечети приносило еще 372 рубля в год. Серьезной поддержкой прихода являлись также проценты с капитала, завещанного купцами Усмановым и Апанаевым (102 рубля в год), и другие источники.

Значительным вкладом в развитие мусульманской благотворительности в губернии был вклад купеческого рода Бурнаевых. Так, крупный торговец и землевладелец Ибрагим Юсупович Бурнаев еще в 1769 г. построил в своей родной деревне Нижняя Береска одну из первых в Казанском крае каменных мечетей. Этот предприниматель не жалел сил и средств для распространения исламского образования и литературы. Так, в 1774 г. купец подарил однособорной мечети Казани древний рукописный Коран, являвшийся впоследствии на протяжении столетия наиболее почитаемой святыней этой общины. Правнук предпринимателя известный торговец пушниной и мануфактурой Мухаметсадък Курбангалиевич Бурнаев (1826—1898) не только считался одним из самых богатых и именитых людей Казани, но и прославился как щедрый благотворитель, строитель каменной Бурнаевской мечети в третьем городском приходе [см.: Марджани, 1989, 386—387, 373].

Практически все общины Казани были обязаны своим возникновением и развитием определенной купеческой семье, которая отдавала на их нужды значительные средства в качестве обязательного налога и пожертвований. Среди них Азимовская, Галеевская, Усмановская, Юнусовская и многие другие махалли. Аналогичная ситуация складывалась и в некоторых деревнях Заказанья, где существовали мануфактуры известных предпринимательских фамилий. Помимо д. Нижняя Береска, большие медресе, величественные мечети и знаменитых имамов имели д. Ура, Кшкар, Маскара, где доминировали семьи Хузясеитовых, Усмановых, Утямышевых. Очевидно, что глубоко верующие мусульманские капиталисты старались придерживаться всех необходимых по религиозному закону правил. Вероятно, наряду с выплатой закята существовала и практика выделения хумса. Кроме того, Ш. Марджани упоминал о том, что Первая соборная мечеть г. Чистополя была построена на фидию купца Х. М. Якупова [см.: Марджани, 1989, 392].

В тех населенных пунктах, в которых не было богатых предпринимателей, основу экономической стабильности приходов составляли другие виды налогов. Большое распространение в бедных аулах получил гошер, который крестьяне отдавали в виде десятой доли урожая своему духовенству. Я. Я. Коблов, хорошо знакомый с повседневной жизнью сельских имамов, оставил интересные наблюдения о материальном состоянии духовных лиц у татар, источниках их доходов. Он, в частности, писал: «Разница между городскими и деревенскими приходами наблюдается также и тем, что в городах муллы получают доходы деньгами, а в деревнях большей частью посудой, хлебом, продуктами. Доходы мулл весьма разнообразны; они получают вознаграждение за исполнение треб, хотя, нужно заметить, что это не главная доходная статья в мусульманских приходах, пользуются различные пожертвования от прихожан в праздничные дни, а также гошер...» [Коблов, 1907, 14]. При этом многие священнослужители для поддержания собственного благосостояния, кроме проповеднической и педагогической деятельности,

занимались хлебопашеством и торговлей. Здесь необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство, облегчавшее положение небогатых мусульманских приходов. Дело в том, что укреплявшая свои позиции буржуазия, опиравшаяся в своем деле в основном на сельское население и сельскохозяйственную сырьевую базу, не могла не обращать внимания на проблемы отдаленных махаллей и выделяла значительные средства на строительство мечетей, зданий мектебе и медресе, поддержку мулл и муэдзинов. Так, купеческая династия Юнусовых в XIX в. построила в нескольких селах Заказанья капитальные здания мечетей и долгое время помогала местному духовенству и учебным заведениям. Таким образом, важнейшим условием экономической состоятельности мусульманских общин являлась финансовая поддержка со стороны купечества и зажиточного крестьянства. Кроме того, следует отметить, что махалли обладали и определенными налоговыми льготами, касавшимися уплаты налогов на культовые здания и принадлежавшую им землю.

Наиболее существенным достижением в осуществлении хозяйственной и экономической самостоятельности приходов стала тенденция к концентрации благотворительных средств в форме различных попечительств, контролировавших распределение религиозных налогов и прибыли от вакуфного имущества. В конце XIX — начале XX в. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС) сформулировало в соответствии с шариатом и российским законодательством правила по управлению и контролю вакуфами. В официальном донесении собрания в Министерство внутренних дел от 15 июля 1901 г. констатировалось: «В округе ОМДС... имеются лишь вакуфы духовные, пожертвованные частными лицами в пользу мечетей, медресе и мулл, управляемые мутаваллиями или самим обществом. Особых правил для них не издано, а потому контроля за ними не имеется. При некоторых вакуфах жертвователями мутаваллии не назначены или об них утеряны документы» [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 97, л. 35]. Попытки навести порядок в использовании значительных материальных ресурсов и стали одним из определяющих условий создания специфических органов управления и контроля за имуществом махалли. Духовное управление рекомендовало назначать с «одобрения общества, от начальства, например, от Духовного собрания» мутаваллиев (попечителей) из числа детей и жен жертвователей ко всем вакуфам, до сих пор по каким-либо причинам не имевших своих распорядителей. Учреждение новых вакуфов сопровождалось обязательным представлением в Собрание учредительного акта с последующим утверждением в Министерстве внутренних дел. То же самое касалось и устных вакуфов, записываемых в шнуровых книгах общины и визируемых благотворителями или их представителями. Все новые пожертвования попечитель и имам-хатиб вносили в шнуровые вакуфные книги, подписанные и утвержденные в присутственных местах.

Приходская недвижимость должна была сдаваться в аренду, а капиталы — в банк под проценты или в ссуду под залог имущества при поручительстве двух лиц с обязательной записью всех операций в шнуровых книгах. Мутаваллий за злоупотребления и нарушения мог смещаться Духовным собранием с должности и затем привлекаться к ответственности. Труд общественного управляющего мог

быть безвозмездным и оплачиваемым из средств вакуфа. Данное нормативное регулирование являлось основой для деятельности приходских попечительств, руководителем которого, мутаваллий, мог по нотариально заверенному договору с приходом «нанимать служащих, рассчитывать их жалованьем и увольнять их, выдавать жалованье мулле и муэдзину... Для увеличения доходности или проживания мурлы и других лиц, причастных к мечети и медресе, строить новые здания, покупать недвижимые имущества, если это представится выгодным и доходным, по его... усмотрению, для мечети и медресе, принимать движимые и недвижимые имущества в дар от дарителей и жертвователей. Хранящиеся ныне в Государственном банке, сберкассах и других кредитных учреждениях капиталы и процентные бумаги получать полностью или частями, а также получать проценты и купоны с процентных бумаг...» [НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 8961, л. 52]. Как утверждают современные исследователи, в 1917 г. в округе Оренбургского магометанского духовного собрания насчитывалось 91 учреждение с вакуфным имуществом: 49 домов с надворными постройками, 2 гостиницы, 20 торговых лавок, а также 1382 десятины земли, более 516 600 р. неприкосновенного капитала. Общая стоимость вакуфов оценивалась в 990 500 р. [см.: Азаматов, 2000, 78].

Таким образом, в дореволюционный период татарская локальная мусульманская община обладала значительной финансовой базой и самостоятельностью для ведения своей духовно-просветительской деятельности. Возможность учреждать приходские попечительства, систематические пожертвования верующих, формирующаяся система общинного самоуправления, контролировавшая и распределявшая благотворительные средства, отсутствие налогового обременения приходов, систематическая поддержка предпринимательской элиты позволяли мусульманским общинам успешно функционировать без прямой поддержки государства.

Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности: Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX — начале XX века. Уфа, 2000.

Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985.

Коблов Я. Д. О магометанских муллах. Казань, 1907.

Марджани Ш. Мустафадель-Эхбар фи ахвали Казан ва Болгар. Казань, 1989.

Мухтасар Викая. Кн. 2. Казань, 1999.

НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 8961, л. 52.

Салихов Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX — начала XX в. Казань, 2004.

ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 97, л. 35.

Статья поступила в редакцию 20.03.2007.